

История юноши, который искал свою фишку в наклеивании девушек

Жил на свете один бедный юноша, который не знал, как бы ему пооригинальнее привлечь юных дев для своих любовных утех. Нет, так-то у него с этими утехами было все в порядке, будучи активным и в меру смышленным, он ухитрялся крутить сразу несколько романов, два из которых его особенно впечатлили. Один был с женою его старшего брата, а второй с тринадцатилетней школьницей, пикантность второму роману придавало еще и то обстоятельство, что юноша этот был местным участко-

вым, а школьница шла на золотую медаль. И когда школьница его бросила, готовясь к каким-то своим экзаменам, он ушел в первый в своей жизни запой. Но дело-то вовсе не в этом. Он был вообще странный. Крутя сразу несколько романов, приобрел солнцезащитные очки, чтобы незаметно оглядывать тех девушек, которых еще не захомутил, и однажды так засмотрелся на чьи-то особо симпатичные ножки, что бодро вмаршировал в лужу по самые колени. А сколько раз он бился об столбы, светофоры, чуть не попадал под машину благодаря своему вуайеризму, даже не пересчитать. Он и без фишки был достаточно привлекателен и выделялся в толпе своих сверстников, как молодой бог.

Девушки и без того на него вешались, а его лучший друг видел эротические сны с его участием. Чтобы совсем уже дорисовать сочным мазком его привлекательность, стоит сказать, что, когда он в окружении друзей ждал автобус поздним вечером, к ним подошла девятилетняя бродяжка и предложила всем минет по пятьдесят рублей, а ему бесплатно.

Но молодой человек хотел не только укладывать в постель одним своим видом, он желал запомниться чем-нибудь оригинальным, чтобы даже спустя много лет, спустя три развода, окруженная детьми и внуками, женщина вспоминала, как красиво он к ней подкатил и какой он был неотразимый и оригинальный.

Вот способы, которыми этот молодой человек пробовал окончательно очаровать девушек.

Пытаясь казаться утонченнее, чем он был на самом деле, юноша решил цитировать классиков направо и налево, но из всей классики, которую ему советовали друзья и хорошие знакомые, он прочитал до конца только «Сто двадцать дней содома» и «Властелин колец». При виде же стихов на него накатывала непонятная тоска, ему казалось, что стихи — это неправильные тексты, потому что в книгах текст должен лежать почти сплошь по всей странице, а стихи одиноко и уныло зябли посередине листа или же робко тулились сбоку. Конечно, чтобы цитировать, не обязательно читать все произведение целиком, можно было купить книгу удачных выдержек, надерганных по XIX и XX веку. Он так и сделал, но, читая ее, бедный юноша так запутался в отрывках и писателях, годах жизни их и смерти, что не чувствовал ничего, кроме отчаяния и усталости, когда ему попадалась какая-нибудь филологиня или девушка, любящая почитать что-либо, кроме журналов. С утонченностью, кстати, у него действительно были некоторые проблемы. Например, когда племянник упомянул при нем, что в школе проходили Куликовскую битву, он сказал: «А, это наши в кустах тогда зашкерились и всех пере***рили».

Был еще один способ, для которого не требовалось каких-нибудь способностей, и юноша решил выбрать его. Незадолго до того, как этого несчастного посетила мысль запоминаться всем встречным девушкам как что-то особенное, на экраны его северной страны вышел фильм «Гладиатор». Так вот, у главного героя этого фильма была замечательная прическа — очень короткая стрижка с челкой, разделенной на двенадцать, что ли, маленьких прядей, это прическа так понравилась нашему юноше, что он перед каждым выходом на улицы своего славного городка делал себе эту прическу. Водой эти пряди было не удержать, поэтому юноша стал пользоваться специальным гелем для волос, и в итоге вышел за сигаретами поздним вечером и огреб от каких-то правильных пацанов, которые приняли его за пидораса. Но юноша не присмотрелся сразу к этому знаку свыше, не отказался от замашек стилиста. И только когда отхватил еще пару коллективных тумачков — один раз по дороге в ночной клуб, второй, когда шел поздним вечером домой с другом (их отметили обоим, поскольку друг был мелирован и одет этак пестро и весело), только когда случилось все это — он решил завязать с такими сомнительными замашками в том сомнительном районе, где он жил и работал.

Была у него еще идея совершить подвиг, благо профессия его, кажется, к этому располагала. Самое замечательное, считал он, — это поймать маньяка, но с маньяками в его районе было очень туго. В его районе, похоже, самую большую эротическую активность создавал он сам, правонарушители же больше склонялись к Бахусу и бытовухе, иногда кто-нибудь вешался или прыгал с балкона. Был, правда, один пожилой эксгибиционист, но он был настолько скучен, настолько приелся всем, что даже маленькие девочки его уже не пугались, а привлечь его можно было разве что за мелкое хулиганство. Случались, конечно, изнасилования, но все какие-то странные, то девушка проснется после трехдневной пьянки и ей сообщают, что позавчера она имела коллективное соитие со своими друзьями, то женщина приносит

соответствующее заявление на двух четырнадцатилетних подростков, а спустя неделю — показания экспертизы, и по всему выходит, что сперва она принесла заявление, и только спустя двое суток насилие имело место. В этой обстановке, полной такого нездорового юмора, у юноши так закрутилась голова, да еще фантазии о поимке маньяка на вертолетной площадке небоскреба с поножовщиной и стрельбой и спасением в последний момент. Словом, случилось так, что юноша принял заявление о потере паспорта у какого-то мужчины, даже помог ему с получением этого несчастного паспорта, а мужчина оказался в федеральном розыске, а когда хватились — его и след простыл. Три месяца минуло с того случая, прежде чем бедный юноша снова стал поглядывать на противоположный пол, ибо после того, как все выяснилось, любовные утехы с начальством заслонили от него весь белый свет.

Когда юноша оправился, или, как он сам неизящно выразился, когда «очко перестало кровоточить», он стал выбираться из своего логова не только на работу, и опять нездоровые идеи и всяческие фантазии стали намечаться в его воображении. Даже мысль о подвиге не перестала его тревожить, но она была только частью из его мыслей, он хотел еще научиться играть на гитаре, писать портрет каждой облюбованной девушки в карандаше, благо у него появилось на это время, потому что он подхватил от первой же после головной девушки молочницу и решил, что это что-то более масштабное и не решался пойти в КВД, чтобы слова доктора не добились его окончательно. Что касается гитары и песен, тут у него не было шансов, ибо самое большее, на что он был способен, — это великолепно подражать крику Тарзана, а слуха и голоса у него не было. С портретами дело решалось гораздо проще, он говорил, что не способен рисовать вживую, брал у девушки фотографию, а портрет рисовал один из его многочисленных друзей, но юноша был предусмотрительный, понимал, что другу это вскорости надоест, или друг заболеет, или мало ли что, например, у друга этого случались этикие

постмодернистские приливы в духе Стю Миды, и последнюю из девушек (которых юноша по причине молочницы радовал только платоническим общением) он нарисовал в такой неприглядной обстановке, что бедный юноша провел несколько часов со стирательной резинкой, карандашом и ножницами, чтобы превратить гнусную оргию во что-то приличное.

О маньяке не могло быть и речи, теперь он грезил про спасение на водах, боях в духе «Матрицы» и бог знает о чем еще. И вот однажды поделился юноша своей бедой с каким-то бомжом, который угодил к нему в обезьянник, неизвестно, как это у него получилось разговориться, получилось — и все. И бомж ему сказал: «Вижу, юноша, не блещешь ты ни талантом, ни особым героизмом, но это ведь не всем дано, не все могут заслонить от пули и ножа, спеть арию, замедлять время и бегать по стенам и перепрыгивать с крыши на крышу. Большая часть людей не может этого, и ты тоже не можешь. Ну так не прыгай выше, от этого все твои беды. Найди что-нибудь простое, даже больше, не ищи, вот тебе совет, дай юной деве «Черника-Форте», а потом дай ей затянуться сигаретой, она будет так удивлена, как тебе и требуется, и труда от тебя это никакого не нужно. И еще — у тебя просто молочница, не Льюис, не триппер, не СПИД, это лечится парой таблеток, которые даже без рецепта можно купить. И не убивайся так, все твои беды видны с небес, и скоро они закончатся. Но только последний тебе совет — не сильно жадничай». Сказал это бомж, засиял и исчез. Юношу за то, что он не углядел за этим бомжом, перевели из участковых в районный вытрезвитель.

И то правда — жизнь его стала налаживаться, в свои смены он со своими напарниками просто по-черному обирал несчастных пьянчуг и сам потом гулял, пил и веселился, как мог. От девушек у юноши совсем не стало отбоя, и «Черникой-Форте» пользовался юноша при каждом удобном случае. И так, в беспечном веселье, провел юноша несколько лет, и совсем выветрился разговор с бомжом из памяти юноши, да и что

сказать, память у него была не ахти какая, и вот привезли к ним мужчину, с которого они подняли несколько тысяч в иностранной валюте и еще поколотили его, чтобы он сильно не буянил, а оказалось, что мужчина этот — офицер ФСБ. И мрак упал на вытрезвитель юноши, и каждого, кто дежурил в ту смену, постигла кара, постигла она и тех, кто не дежурил, и вообще всех, кто там работал, от уборщиц до самых высших чинов.

Теперь на этом месте только спекшийся песок и только вороны летают над ним.

История про то, как Такеши Китано оказался в Усть-Катере, и что из этого получилось

В одной далекой восточной стране жил один человек, чьи радости заключались в том, чтобы выпить пива после работы, попеть караоке и поболеть за свою бейсбольную команду. Но вот беда — не было этому человеку счастья в его любимых занятиях. Как только появлялся он в каком-нибудь месте, где можно было попеть, выпить, посмотреть бейсбол, там появлялся один знаменитый комик, а с ним его охрана, лишних людей просили удалиться, а с ними просили удалиться и бедного человека. Остальные люди, может быть, и не таили зла на комика, потому что встречали его изредка, а бедный человек встречался с ним постоянно, и постоянно его выгоняли, а комик сыпал вслед своими шуточками, и ясно как день, что зло копилось в душе бедного человека вместе с бессилием и отчаянием, тем более что, в очередной раз застав бедного человека в том же самом баре, куда вот уже скоро должен был прийти комик, охрана комика решила, что бедный человек преследует комика, и предупредила бедного человека, что если он еще раз появится поблизости — его поколотят, и буквально через неделю, совершенно в другом районе Токио (а так назывался город, где жили бедный человек и знаменитый комик), они опять пересеклись, и бедного человека поколотили, покунали головой в унитаз и выбросили на улицу.

И затаил тогда бедный человек на комика совсем уже безвыходную обиду и пошел к своей бабушке, а она у него была ведьма, так и пришел к ней с еще мокрой головой и в разорванной рубашке и распушенном галстуке, упал бабушке в ноги и стал умолять заступиться за него, и бабушка сказала: «Утри слезы, внучек, знаю я, как тебе справиться с этой бедой. Есть у меня волшебный порошок, если подсыпать его врагу в sake, то окажется он в самом мрачном месте на земле, а ты окажешься на его месте, и никто этого не заметит, это прямо как в фильме «Быть Джоном Малковичем», только еще лучше».

Ради того, чтобы подсыпать порошок куда нужно, бедный человек уволился оттуда, где он работал, и пошел в официанты. Не успел он отработать и первую свою смену, как в дверях заведения, куда он устроился, появилась охрана комика. Всех попросили удалиться, а бедного человека не узнали в новой одежде, и вообще он старался не привлекать внимания, смотрел в пол, стоял в темном углу. Когда же пришел череднести заказ комику, бедный человек подсыпал порошок, как ему было указано. И переселился в тело комика, а исчезновения его самого никто не заметил, даже управляющий на другой день его не хватился.

Одна загвоздка была во всем этом деле. Бабушка бедного человека была уже старенькая, то есть совсем уже старенькая, с провалами в памяти, поэтому зелье у нее уже получалось не такое, как раньше. Если бы внук поспешил к ней и пришел лет двадцать назад, то оказался бы знаменитый комик где-нибудь, даже страшно представить где. Но и без того были сильны удивление и ужас знаменитого комика, когда уснул он, как помнил, в своем токийском пентхаусе на двадцать пять квадратных метров, а проснулся уже на панцирной койке усть-катерской общаги, окруженный похрапывающими повсюду узбеками. Только тем спасся комик, что в юности увлекался идеями всеобщего равенства и дружбы народов и, увлеченный этими идеями, успел поотирать

стены курсов узбекского языка, прежде чем его выгнали за участие в студенческой демонстрации. А так бы в чужом городе чужой страны, а тем более в Усть-Катере, ждали его не только горе, но и сама погибель.

Благодаря новым знакомым знаменитый комик сделал себе новый паспорт, права и устроился водителем маршрутного такси. Разъезжая каждый день с утра до вечера по улицам Усть-Катера, он не переставал ужасаться несходству токийского и усть-катерского пейзажей. Оглушающее отчаяние пробирало его до костей, когда, поднимаясь по проспекту Ленина в сторону вокзала, он видел апокалиптические дымы УМКК, но совсем не это досаждало ему больше всего. Больше всего он не любил, как пассажиры хлопали дверью его маршрутки. Именно через это у знаменитого комика развился нервный тик. А после того как какая-то субличная девушка так ударила дверью, что вся повозка знаменитого комика содрогнулась, одну сторону лица его и вовсе парализовало. Его, может быть, и всего разбил бы паралич, если бы его кто-нибудь узнал и если бы он сам узнал, что бедный человек на его месте завязал с шутками и занялся кинематографом, но, к счастью, фильмы его страны не показывали в местных кинотеатрах. Те же, что доходили с Востока, он и сам вскорости не мог смотреть без легкого раздражения, и дело было не в том, что, например, боевик Джона Ву «Пуля в голову» оказался у комика в плохом качестве, на старенькой видеокассете, просто во время просмотра, как и его новые суровые северные друзья, комик половину фильма пытался сообразить, кто из героев кто, а обилие восточных лиц уже начинало сбивать его с толку. Всего пару лет прошло, а все уже принимали его не за узбека, а за татарина, такой у него был специфический выговор, среди всех его подруг не появилось ни одной восточной девушки, все были какие-то блондинки, причем вульгарные, и он сам это понимал, но поделаться с собой ничего не мог, это было, как извращение, типа тяги к транссексуалам, с тем же стыдом открытия в себе самом соответствующих

глубин, утренним просыпанием в постели с незнакомкой, за отсутствием макияжа похожей на смерть. И да, он полюбил водку, а за ней и закуски, потому что sake, рыба — это все тонко, изящно, типа акварели, типа даже пастели, а водка — это как высыпать в себя содержимое калейдоскопа, а если еще и с пивом — это как поставить вместо мозга калейдоскоп, но именно это облегчение после недельных нервов, хлопающих дверей, сумасшедших людей алкала душа комика. Самое интересное, что комику не нравилось само опьянение, не нравилась компания и разговоры и уж, конечно, не нравилось ему похмелье. Но была одна сладостная минута, ради которой и стоило пить, и стоило пить именно водку, поскольку те же sake и пиво уходили из головы и желудка как-то не так и не давали этой минуты, словом, комику нравилось проснуться утром и выползти на улицу, это было необъяснимо, но весь город с еще не прогретым или зимним воздухом как бы сразу обступал комика и ударял в голову ощущением дома, все эти тополя, здания, построенные пленными немцами, лежащий поперек двора красноватый солнечный свет и воздух с легким привкусом глюкозы и конопляного дыма.

Именно таким зимним утром его приняли в свои объятия какие-то два наркомана и несколько раз ткнули ножом, чтобы разбогатеть на сотовый телефон и сто двадцать рублей. И это все, что случилось с комиком в Усть-Катере, и если бы не умственная слабость престарелой ведьмы — это был бы конец истории. Но по своей глупости и забывчивости престарелая ведьма приготовила не то снадобье, которое хотела, снадобье работало не вечно, а только несколько лет, и в тот момент, когда погибающего комика везли к лекарю, а сердце комика остановилось, снадобье прекратило свое действие, и комик перенесся обратно в родные края, в тело бедного человека. И они остались в одном теле, один — чтобы снимать кино, играть в бейсбол (а он в отсутствие комика завел даже свою бейсбольную команду), другой — чтобы шутить и привносить веселье в их совместное существование.

И это вся история про комика и бедного человека.

От этой истории осталось только окончание

— Скажите, сколько у вас стоят антидепрессанты? — спросил Игорь.

— Какие именно вас интересуют? — спросила женщина-лекарь.

Игорь стыдливо тыкнул пальчиком.

— Эти мы без рецепта не продаем, — сказала она.

Игорь показал на другую коробочку в витрине.

— Эти тоже, — сказала женщина-лекарь, и видно было, что суровость ее возросла и раздражение усилилось.

— Я рекомендовала бы вам что-нибудь на растительной основе, — сказала она таким голосом, чтобы Игорь понял свои обстоятельства, что без рецепта он ничего не получит, а получит только эти — на растительной основе.

— Сколько они стоят? — спросил Игорь.

Женщина-лекарь назвала цену, от которой Игорь в отчаянии заскреб стекло витрины и запричитал так громко, как мог:

— Ну почему, почему у вас такие дорогие антидепрессанты? Почему не продаете вон те без рецепта, разве не видно, что мне плохо?

Он недолго поплакал в аптеке, недолго, потому что охранник выставил его наружу, плакал, пока шел домой, и весь вечер проплакал дома.

Дома он плакал совсем уже в голос, поскольку никто не мог его выставить и потому что вино, которое выпил Игорь по возвращении, только усилило его тоску, отчаяние и мрачность. Он плакал настолько допоздна, что все соседи уже легли спать, кто-то из соседей принял его плач за собачий вой и стал предостерегающе стучать в батарею, тогда Игорь умолк, сходил за вином в круглосуточную лавку, выпил одну бутылку на обратном пути и еще две дома, а это заняло у него почти всю ночь.

Под утро он решил сжечь свою сказку, то есть сперва он, конечно, стер ее из своей счетной машины, а то, что было распечатано, ему захотелось именно сжечь. Трудно описать, до чего тяжело спалить восемьсот страниц в обычной квартире, если нет желания и нет сил куда-нибудь выходить. Вся пачка бумаги не занималась сразу, а только тлела, Игорь начал на кухне, закончил в туалете, так что весь дом его стал в дыму, а раковина на кухне, раковина в ванной, ванна, унитаз — все стало черным. Часть бумаги, которую уже не было сил жечь, Игорь, дивясь ее приятной вафельной хрусткости, положил в мусорное ведро, и как бы дух Гоголя и духи борцов с советской властью стояли у него за спиной и одобрительно глядели на все это.

Игорь вышел на балкон подышать свежим воздухом, там он стоял некоторое время, нюхая покрытые сажей руки, и вспомнил, что они пахли так в детстве после каждого субботника. Игорь полез в карман за сигаретами и нашел там мокрые лоскутья рукописи из той части бумаг, что не желали гореть в лужице унитаза. На клочке, угодившем под руку, сквозь проступавшие буквы нижних страниц (а все они были мокрые) была вот такая часть текста:

«Нука и Бом неторопливо поднимались по тропинке, под ногами их, как спички, похрустывали засохшие сосновые иголки, любопытные белые мотыльки бились о стекло их фонаря. Лес и все вокруг было покрыто пологом волшебницы-ночи, только под ногами Нука и Бома был небольшой кружок желтого света. Где-то недалеко ухал старый Филин, предупреждая проказливых мышей, что скоро вылетит на охоту, чтобы все они перестали баловаться и бежали спать по своим теплым норкам.»

Игорь смял мокрую бумагу и выбросил ее наружу. Его стала поклевывать легкая досада за опрометчивое ночное сожжение. С этим чувством досады он лег спать, с этим же чувством проснулся, только теперь к чувству досады примешивалась злость на самого себя и отчаяние, что ничего уже не вернуть и до собрания литобъединения оставалось

всего два с половиной часа, а Игорю нечего было читать перед именитым гостем. Игорь сел за счетную машину, попробовал написать рассказ торопливой рукой, начал, но ему разонравилось, начал второй, но и второй ему разонравился тоже, начал третий, а время уже совсем поджимало, он поправил все три кусочка, как мог, решил выдать это за отрывки из неоконченного романа, распечатал то, что получилось, и поехал в библиотеку и морщился по дороге, потому что счетная машина повела себя неподобающе и выровняла его кусочки по левому краю, да так и напечатала. Игорь смотрел на это уже сидя в желтой маршрутке, и досада заставляла его часто поправлять и протирать очки.

Приехал он последним из всех. Участники литобъединения уже пили чай и переглядывались, среди сидящих за столом Игорь не сразу нашел члена союза писателей, тот как-то очень хорошо сливался с обществом местных безумцев и любителей выпить, только что рубашка его была белее, чем у остальных, да пиджак поновее да почище. Он был моложе Игоря лет на восемь, что Игоря неприятно поразило. Сергей Сергеевич заглядывал в глаза члену союза писателей, и это Игоря неприятно поразило тоже.

Еще не завершив чаепития, стали читать. Первым, после того, как его представили, начал гость, Наташенька наклонилась к Игорю и хихикнула ему в ухо:

— Какой молоденький. Это у него что, бачки?

Игорь, не сразу понял вопрос, но все равно кивнул. Все слушали и запоминали для того, чтобы обсудить это где-нибудь позже, Игорь подумал, что если бы писал стихи (а гость читал стихи), то получилось бы у него может не лучше, но и не хуже бы точно. Игорь покосился на угол, где сгруппировались поэты, на их лицах была обида и непонимание, их лица как бы говорили: «Почему так, почему не нас встречают чаем и сушками, ведь наши стихи такие же». Все недоуменно морщили лбы при упоминании какого-то Рыжего, который попадался в стихах гостя довольно-таки часто.

После гостя все стали читать в порядке своей важности и авторитета, начиная по старшинству и начиная со стихов, то есть сперва читали пожилые поэты, потом пожилые поэты, считавшиеся не очень талантливymi, потом сумасшедшие пожилые поэты, потом прозаики в годах, потом поэты среднего возраста и так далее. Но это только звучит страшно, что все они читали, на самом деле литобъединение было небольшим, а явление народу некоторых текстов и некоторых персонажей из местных, кажется, скрашивало гостю ту спокойную скуку, ноту которой он успешно задал, когда начал первым. Больше всего гостя, конечно, поразил высокий худощавый Дмитрий Петрович со своим потертым кожаным портфелем, очками с толстыми линзами и рубашкой, испещренной маленькими олимпийскими кольцами и надписями «Олимпиада-80». Прикид Дмитрия Петровича шокирующе оттенялся его стихами для детей, про детей, про бечечки и всякую такую некрупную шушеру, на строчках: «На бельевой веревочке сушу штанишки Сонечке», — гость заметно содрогнулся. Игорь ждал своей очереди два с половиной часа, Наташенька то и дело наклонялась к нему и что-нибудь говорила, хихикая. Игорь кивал, поглядывая на ее голубые крупные бусы в глубоком вырезе ее голубого синтетического платья, как бы наполненного округлостями и ямочками. Когда она встала, чтобы прочитать скромные стихи о любви к дочкам, и мужу, и родителям и о той благодарности к родителям, какую она испытывает каждую минуту своего существования (можно было сидеть, но она встала), чай загустел во рту Игоря, потому что платье обтягивало Наташеньку так, что Игорь со своего места мог сосчитать каждый кружавчик стрингов на ее содрогавшемся от декламации крестце.

Именно поэтому, когда Игорь начал читать сам, голос его несколько дрожал от злости и был сипл от волнения, от волнения же он позабыл сказать, что это отрывки из романов и забыл представиться, а Сергей Сергеевич ему напомнил, случилась неловкая пауза, внутри которой Игорь

объяснял, кто он такой, людям, которые его и так неплохо знали.

— Игорь пишет философскую сказку, — пояснил Сергей Сергеевич гостю, а Игорю послал взгляд, в котором было что-то похожее на поощрительное похлопывание по плечу, нет, даже похлопывание между лопаток. Игорю сразу вспомнилась его истерика в аптеке, его истерика дома. Полный отращения к самому себе, он уткнулся носом в бумаги, и глаза его заслезились от волнения, злости, брезгливости и бессилия унести себя куда-нибудь подальше от этого места и этих знакомых. Он стал читать:

*Сергей Сергеевич, возглавлявший
литобъединение,
Так объяснял свою нелюбовь
к верлибрам, он говорил,
А все внимательно слушали, а кто-то
даже записывал:
«Классическое стихосложение — это
сконцентрированные
Смыслы, запряженные друг в друга,
как части телескопа,
Как (тут он всегда протирал очки
в толстой оправе
И терял нить, потому что был
забывчив, или его
Перебывали, передайте сахар, как ваша
язва,
Сконцентрированные с двумя эн, или
с одной)...
Так вот, целая бездна смыслов таится
в четверостишии,
В том, как зарифмованы слова,
как нарушен ритм,
А верлибр — голый текст и ничего
более,
Он не значит ничего, кроме того, что
в нем описано».
Самыми простыми словами объяснял он.
«Белочка встретила ежика,
Ежика мохноножика,
Они собирали грибочки,
И желтенькие листочки».
«Люблю я свой рифейский край,
Потому что он, как рай,
Много в нем всего сокрыто*

Малахита и гранита».

*Сергей Сергеевич, как наяву, видел тот
осенний день*

*Девяносто восьмого года,
Когда он купил книгу Лотмана
на Антона Валека*

*За пятьдесят рублей, лавочка
на остановке была*

*Горяча от солнца, шар еще
не установили,*

*Двадцать первый автобус вез его
на вокзал.*

Игорь не стал поднимать глаза, только торопливо сказал «второе», и продолжил:

*Вот актер массовки, ну, он любит
сниматься в массовке,*

*Не сказать, что неудавшийся актер,
да он вообще*

*Не актер, так, дед мороз у жены —
воспитательницы*

*Детского сада, дед мороз у сына в школе,
Дед мороз у себя на работе, и при этом*

*Иногда актер массовки, то есть как бы
и актер*

*И не актер, и при этом как бы все же
актер,*

*За последние три года его убивали раз
восемнадцать,*

*Ублюдка-красноармейца, матроса,
Немца, немца, немца, немца, немца,*

*Ублюдка-красноармейца,
ублюдка-красноармейца,*

*Чеченского террориста, просто
ублюдка,*

*Просто красноармейца, белогвардейца,
Федерала, чеченского террориста,
немца,*

*Немца, чеченского террориста,
федерала,*

То есть девятнадцать».

— А это я хотел назвать «Признание в любви», но не закончил, — сказал Игорь, боясь поднять глаза на Сергея Сергеевича, взгляд которого чувствовал на темечке. — Те я тоже не закончил, но это я совсем по-другому хотел.

Никто его не перебивал.

*Даже странно, что они вообще
говорили,
Не говоря уж о том, что спали
Друг с другом, цветы, драмтеатр
С Булыгиным, пиццерия, набережная,
Поглядывание на парочки возле ЗАГСа,
На лодки в пруду,
Совместные дни рождения,
День города, новый год.
ОШО, Козельо, йога, фитнес,
Культь богини, бхуджангасана,
салабхасана,
Сарвангасана, випарита карани,
Глядя здраво — сорокалетняя
бездетная
Анимешница из Усть-Катера — это
не умиляет,
Кавакуаримасен.
С другой стороны, он девятнадцать
лет
Пишет сказку про ежика и слоника,
Про добрую фею и злого великана,
Про говорящих зверей и говорящие
растения,
Про то, что дружба помогает делать
нам
Настоящие чудеса, может преодолеть
любые
Преграды на пути, время и расстояние
Ищемного пафосныхсуществительных,
Архаизмов и заимствований
Дружба может преодолеть.
И вот они стоят перед ним, все его
звери,
Тоташа, Мушик, Вуфан, Колбик,
Хоха, Мурзик,
И еще штук восемьдесят персонажей,
Это половое влечение не знает преград,
Не знает ни видовых, ни каких других
Различий, это его не остановить ничем,
Ни смертной казнью, ни расстоянием,
ни временем,
Ну е* твою мать, Игорь, ну е* твою
мать.*

Все как-то сразу поняли, что это конец его текста. Игорь еще не успел отложить ли-

сточки, а в чтение уже вступал очередной литобъединенец, какой-то студент с фэн-тези про вампиров и борцов с вампирами. На фразе «Как ты можешь знать, что ты умер, если ты никогда не жил» Игорь не выдержал и вышел, наконец, покурить, через час он уже сидел у себя дома пил водку, а напротив него, тоже выпивая водку, расположился член союза писателей. Член союза писателей говорил:

— Ты поэт, поэт. Единственный поэт в этой вашей шараге. Если бы не ты, даже не знаю, зачем я сюда приехал, почитай еще, что у тебя есть.

Игорь говорил, что у него больше нет ничего, что это случайность, что это вовсе не стихи, что сказка у него была гораздо лучше, но он ее сжег, а член союза тем больше не верил ему, чем был пьянее, он считал, что Игорь кокетничает.

— Тебе надо поехать на семинар Казарина, — говорил член союза писателей.

Член союза писателей оказался историком в отпуске, поэтому прозависал он у Игоря целую неделю и все время говорил о литературе, и они все время пили. Где-то на третий день у них не стало сил пить водку, и они стали пить только пиво, сперва крепкое, переходя от него ко все более легкому и светлому. В день, когда Игорь провозжал члена союза писателей на вокзал, они несли в руках по банке безалкогольной «Балтики».

— Это все такая ерунда, — говорил член союза писателей. — Мне вот это членство только затем, чтобы от милиции отмазывать-ся, если она меня остановит, когда я выпью. Я историк на самом-то деле, если бы в союз принимали только тех, кто настоящий писатель, там бы никого не было после того, как Бажов умер, да и Бажов, если бы у него хватило бы ума, понял бы, что он никакой не писатель, и ушел бы сам. И было бы там пусто.

И он поблескивал бесячьими глазами в сторону Игоря, за неделю непрерывного пьянства Игорь оброс щетиной, а член союза писателей остался гладким и при бачках. Перед самой посадкой в повозку член сою-

за писателей купил две бутылки «Жигулевского», позвякивая ими друг о друга, полез в салон, водитель не хотел пускать его, но тот как-то договорился. Не дожидаясь отхода, Игорь пошел домой. Он не чувствовал ничего, кроме огромного разочарования и облегчения, что гость наконец уехал, что больше не нужно никуда ходить раз в неде-

лю. Он шел по проспекту Строителей, а в голове его крутились две строчки, он даже не осознавал, что они крутятся:

*Член союза писателей оказался
историком в отпуске,
Поэтому прозависал он у Игоря целую
неделю.*